

Метаморфозы американского неоконсерватизма: идеология на излёте

Внешнеполитический аспект

Алексей Громыко,
доктор политических наук

*“Организации Объединенных Наций
для нас не существует.*

*Международное сообщество по силам
возглавить только США – единственной
сверхдержаве”.*

Из выступления Дж.Болтона, 1994 г.

Американский неоконсерватизм имеет давнюю историю.

Самой ранней предтечей формирования этого движения стало появление в конце 30-х годов XX в. группы интеллектуалов в стенах Сити-колледжа в Нью-Йорке.

Среди них были Ирвинг Кристол, Даниэл Белл, Сеймур М. Липсет, Натан Глейзер, Даниэл П.Мойнихан и др.

Позже, в 1965 г. Кристол и Белл организовали журнал “Паблик интэрест”, на базе которого и сложилось новое идейное течение в американской политической мысли.

Тогда большинство представителей этого круга были либералами в американском понимании этого термина. Политические пристрастия многих из них первоначально лежали в области марксизма и других левых течений, в том числе троцкизма.

В эпоху Джона Кеннеди и Линдона Джонсона термины “либеральный” и “левый”, “либеральный” и “социал-демократ” стали в США синонимами.

Однако в 60–70-е годы воплощение проекта “великого общества” натолкнулось на массу социально-экономических трудностей; вызов ему был брошен и “культурной революцией”. Во внешней политике “либеральный век” Америки бесславно закончился во Вьетнаме.

Если в свое время будущие неоконсерваторы (они назовут себя представителями “нового класса”, в который входят ученые, политики, журналисты, преподаватели и т.п.) пе-

решили от левацких воззрений к леволиберальным, то теперь они сформировали новое кредо.

Согласно одному из определений, неоконсерваторами стали “либералы,

застигнутые врасплох реальностью". Они подвергли систематической критике принцип активного государственного участия в жизни общества, заявляли о том, что вмешательство государства в социальные и экономические процессы приносит больше вреда, чем пользы ("*закон непредвиденных последствий*"), объявили о неадекватности общепринятых идеологий проблемам современности ("*смерть идеологии*").

Неоконсерваторы возлагали надежды, связанные с повышением общественного благополучия не на государство, а на "посреднические структуры" – семью, церковь, общины. В то же время они не были "свободными рыночниками" и в этом не походили на британских неоконсерваторов или американских либертарианцев, вдохнувших новую жизнь в концепцию "*государства – ночного сторожа*" и "невмешательства в свободу предпринимательства". Они считали, что успех политических реформ зависит от социальных и культурных факторов и что добиться изменений, если это возможно в принципе, можно лишь путем осторожных и постепенных действий.

Усилия "*Паблик интэрест*", а также близкого ему по направленности журнала "*Комментари*" во главе с Норманом Подгорецем, который наряду с Ирвингом Кристолом считается крестным отцом неоконсерватизма, положили начало заметному сдвигу в умонастроениях американской интеллигенции.

Большую роль в этом сыграла научная и преподавательская деятельность Лео Штраусса.

Позже не раз напишут о том, что новое поколение неоконсерваторов исказит и доведет до абсурда ряд его идей.

К 1980 г. либерализм был "свергнут" с пьедестала доминирующей идеологии. Растущая популярность пропа-

гандируемых американскими неоконсерваторами идей выразилась в создании различных исследовательских центров, фондов, других структур, среди которых Фонд наследия и Американский институт предпринимательства.

В 70-е годы неоконсерваторам еще не было места в исполнительной власти, однако некоторые из них уже работали в Конгрессе.

Так, Ричард Перл был главным советником по вопросам внешней политики у сенатора Генри Джексона, демократа из лагеря "ястребов" времен "холодной" войны. Уже в те годы Перл заработал прозвище "принца тьмы" за идеологизированность своих взглядов и их конфронтационность.

Внимание первого поколения неоконсерваторов было сосредоточено на проблемах внутреннего развития, хотя и не исключительно – Ирвинг Кристол также стоял за основанием "*Нэйшнл интэрест*" – журнала по проблемам внешней политики.

В 80-е годы, с приходом рейганомики, с ростом популярности идеи "невидимой руки рыночных сил" многие из выдвинутых ими тезисов получили широкое признание (хотя немногие воплотились в жизнь), и второе поколение "неоконов"¹, включая Уильяма Кристола, Роберта Кагана, Чарльза Краутхаммера, Фрэнсиса Фукуяму, переключило внимание на сферу внешней политики.

Со времен Вьетнамской войны американские либералы отошли от активной пропаганды вовлечения Америки в международные дела. Консерваторы этого не сделали, но отреагировали на вьетнамский провал концепцией реализма во внешней политике, наиболее известным теоретиком и практиком которой стал Генри Киссинджер.

Неоконсерваторы, как ярые антикоммунисты, встретили "реализм" и политику разрядки в штывки.

В этом их вдохновителем был один из теоретиков теории устрашения и специалист по вопросам нераспространения Альберт Уолстеттер, среди учеников которого значатся Пол Вулфовиц и Ричард Перл.

Уолстеттер, испытывая патологический страх перед советской угрозой, считал, что даже доктрина взаимного ядерного уничтожения не обеспечивает безопасность США.

С 70-х годов идеологический и прагматический подходы к проведению внешней политики США постоянно конкурировали друг с другом. В этом противостоянии “реалисты” проиграли с приходом в Белый дом Рональда Рейгана.

“Борьба, которую вело первое поколение неоконсерваторов-антисталинистов, рассматривавших “холодную” войну как сражение идеологий и ценностей, – пишет Фрэнсис Фукуяма, – продолжилась в годы президентства Рейгана...”¹.

Лозунг “империи зла” был встречен “неоконами” на ура.

После окончания “холодной” войны и разрушения СССР, которое неоконсерваторы считают своим достижением, они всецело выступили за закрепление доминирующей роли США на мировой арене. Однако проекция американского влияния на другие регионы мира, обоснование новых мессианских устремлений были затруднены без определения новых источников опасности для США.

Предыдущая миссия неоконсерваторов – уничтожение коммунизма – завершилась, и встал вопрос – кто станет следующим оппонентом Америки, привыкшей жить в режиме противостояния.

В 90-е годы казалось, что новой “империей зла” для американцев станет Китай, однако сбалансированная внешняя политика этой страны и растущая экономическая взаимозависи-

мость Поднебесной и США предотвратили развитие событий по такому сценарию.

Тогда в качестве основного объекта цивилизаторской миссии США были выбраны “*страны-изгой*”, а позже – “*ось зла*”.

Из войны в Заливе неоконсерваторы сделали вывод – врагу недостаточно нанести военное поражение, необходимо добиться смены политического режима.

Тогда-то и обнаружилось явное противоречие в идейном наследии “шестидесятников” и их последователей: если первые не верили в способность государства переустроить американское общество, критиковали политику социальной инженерии, то вторые в отношении иностранных государств призывали именно к этому. Они считали возможным использовать мощь США для изменения политического строя в другой стране, для проведения в ней глубоких политических и социальных реформ.

Более того, предполагалось, что эти реформы можно осуществить в кратчайшие сроки и относительно безболезненно, стоит только сменить в стране власть и ввести формальные демократические процедуры. Уверенность неоконсерваторам в оправданности такой политики придавала массовость смены политических режимов в странах Восточной Европы, а позже удачный для НАТО исход военной кампании против Югославии.

Разрушение Советского Союза лишило Соединенные Штаты противника глобального масштаба.

В результате их внимание с удвоенной силой переключилось на ряд региональных конфликтов.

Важным элементом в создании “неоконами” новой внешнеполитической платформы для американского миссионерства в начале XXI в. стал фактор

израильского лобби вкупе с тем, что многие американские неоконсерваторы, включая Пола Вулфовица, Дугласа Фейта, Ричарда Перла, были евреями (как, впрочем, и многие представители первой волны неоконсерватизма – Лео Штраусс, Ирвинг Кристол, Даниэл Белл, Сеймур М. Липсет, Даниэл П. Мойнихан и др.).

“Израильское лобби, – пишет Дмитрий Саймс, – вероятно, самое влиятельное этническое лобби в Америке”².

Эту точку зрения разделяет и Фрэнсис Фукуяма. “...Ряд неоконсерваторов возвели жесткий вариант стратегической доктрины Израиля в ранг американской внешней политики и ошибочно применили ее к ситуации в США после 11 сентября (2001 г.)”¹.

Для Израиля Ирак, Иран и Сирия были первостепенными противниками. Неоконсерваторы соответственно провозгласили курс на смену режима в этих странах. Израиль, постоянно находившийся с 1948 г. в состоянии горячей или латентной войны с враждебным арабским окружением, не раз прибегал к превентивным ударам по врагам, проводил тайные операции по захвату или уничтожению своих противников на территории других государств.

Неоконсерваторы добились того, чтобы и США взяли на вооружение доктрину превентивного удара.

Израиль задолго до окончания “холодной” войны прибегал к политике односторонних действий.

Теперь неоконсерваторам удалось сделать односторонность одним из опорных принципов американской внешней политики. Однако ООН и ведущие страны Евросоюза часто критиковали действия Израиля на Ближнем Востоке, чем вызывали его сильное раздражение. После 2000 г. и администрация Белого дома стала с пренебрежением относиться к Объединенным Нациям и к своим западноевропейским союзникам.

Конечно, было бы упрощением проводить прямую линию между внешнеполитическими доктринами Тель-Авива и Вашингтона, однако взаимозависимость между ними после прихода неоконсерваторов или их ставленников во власть значительно возросла.

В последние годы западные политические комментаторы не раз отмечали факты попустительства администрации Белого дома в ответ на ничем не оправданные действия Тель-Авива, его непропорциональную реакцию на проявления арабского экстремизма.

В этом ряду – многочисленные убийства мирных жителей как “побочный ущерб” борьбы с терроризмом и стремление намеренно дестабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке под протекцией США.

Один из наиболее ярких примеров – развязанная Израилем война против Ливана (август 2006 г.).

Потворство Вашингтона действиям Тель-Авива все глубже вбивало клин в отношения Америки и Европы.

Даже в консервативных кругах Великобритании – ближайшего союзника США в ЕС – ропот становился все громче.

Так, возмущение многих вызвало молчание Вашингтона в ответ на приглашение крайне правого националиста Авидгора Либермана войти в состав правительства Эхуда Ольмерта.

Правый британский журнал “Спектейтор” охарактеризовал его как “крайне правого молодчика, который призывает Израиль устроить этническую чистку израильским арабам...”

Когда Йорг Хайдер выиграл выборы в Австрии, функционеры ЕС были в бешенстве...

Теперь Либерман приглашен в израильское правительство, а Соединенные Штаты, единственная сверхдержава, и пальцем не пошевелили, чтобы осадить Ольмерта”³.

Проекты по изменению политики США на Ближнем и Среднем Востоке появились в американских неоконсервативных кругах в начале 90-х годов. Толчком к этому послужило неприятие “неоконами” итогов войны против Ирака в 1991 г. Для них было неприемлемым, что администрация Джорджа Буша-старшего не использовала победу в войне для свержения режима Саддама Хусейна. В 1992 г., после развала биполярной системы международных отношений, в Пентагоне Пол Вулфовиц при поддержке Дика Чейни принял за разработку идей закрепления превосходства Соединенных Штатов на мировой арене и превентивного использования силы. Обсуждались возможность задействовать военную мощь страны для предотвращения распространения оружия массового уничтожения и вероятность ситуации, в которой США прибегнут к созданию временных коалиций для решения конкретных международных проблем или вовсе откажутся от помощи союзников.

В годы правления администрации Билла Клинтона Вулфовиц продолжил развивать заявленные им ранее постулаты в Школе углубленных международных исследований им. Джонса Хопкинса. К 1997 г. круг людей, разделяющих его идеи, был уже достаточно широк, чтобы ведущийся в нем дискурс формализовался.

Так возникла организация “Проект для нового американского века”.

Помимо Вулфовица ее членами значились Элиот Абрамс, Ричард Перл, Дуглас Фейт, Дональд Рамсфельд и др.

В центре их внимания находились темы распространения демократии и смены диктаторских режимов, среди которых наибольшую враждебность вызывал Багдад.

Их мнения и оценки пропагандировались на страницах журнала “Уикли Стэндард”, главным редактором которого был Уильям Кристал.

В январе 1998 г. восемнадцать неоконсерваторов обратились с открытым пись-

мом к Биллу Клинтону с призывом сменить правящий режим в Ираке, причем сделать это предлагалось, в случае необходимости, в обход Совета Безопасности ООН.

Уже в середине 90-х годов неоконсерваторы сделали ставку на Дж.Буша-мл. как на одного из возможных претендентов на пост президента США. Роли между “неоконами” распределились заранее.

Соответственно в 2001 г. Рамсфельд занял пост главы Пентагона, Вулфовиц – его заместителя, Фейт – помощника по политическим вопросам, Перл – руководителя Совета по оборонной политике при министерстве обороны с широкими полномочиями. Третьим номером в аппарате Колина Пауэлла стал Джон Болтон, получив должность помощника госсекретаря по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности.

Надо сказать, что неоконсерватизм второй волны не представлял собой, в отличие неоконсерваторов первой волны, строго очерченный круг людей. Часть тех, кого стали называть “неоконами”, не чурались этого, другие противились, однако на практике и те, и другие выступали в одной связке и делали одно дело.

Так, Джон Болтон никогда не был либералом и предпочитал называть себя “консерватором – либертарианцем” или “консерватором – государственнымником”⁴. Но с “дипломированными” неоконсерваторами он разделяет идею ярого антикоммунизма, нераздельного суверенитета Америки, смены неугодных США политических режимов, глобальной миссии США и их исключительности, концепцию превентивного удара, подчиненности международного права американским интересам.

По мнению Болтона, США могут использовать для продвижения своих интересов межгосударственные организации, но надгосударственные структуры, наподобие Евросоюза, им противопоказаны.

ООН он характеризует, как "инструмент внешней политики США" и как "идею базирования международного порядка не на согласованных решениях суверенных правительств, а на надгосударственных институтах, опирающихся на транснациональные (правовые) нормы"⁴.

Но в его позиции есть и заметные отличия от неоконсервативной доктрины. Последняя, например, нередко именуется вильсонизмом (по имени президента США Вудро Вильсона) "с оружием в руках", то есть распространением либеральной демократии с помощью силы, или секулярным мессионизмом.

"Использование вооруженных сил ради американских интересов не вызывает у меня беспокойства, – говорит Болтон. – ...Но я никогда не был сторонником вильсонизма. И президент (Буш-младший) не говорит о распространении демократии, он говорит о распространении свободы"⁴.

Таким образом, если неоконсерваторы стремятся силой оружия продвигать американские демократические идеалы, и считают это *долгом США*, то консерваторы, подобные Болтону, готовы *по возможности освобождать другие народы от тирании, и предоставлять им право самим решать, что дальше делать со своей свободой*.

Трудно судить о том, насколько большим было идеологическое влияние неоконсерваторов на нового президента до событий 11 сентября 2001 г. В ходе предвыборной кампании внешняя политика, включая тему Ирака, не фигурировала среди приоритетов Дж.Буша, тем более не было в ней намека на стремление реализовать цели "*Проекта для нового американского века*". Поначалу Буш проявил себя как политик, плохо разбиравшийся в международных делах, не интересовавшийся ими, склонный скорее к внешнеполитическому изоляционизму, чем к экспансионизму.

Однако "свита короля" делала свое дело. В сентябре 2000 г. члены "Проекта" выступили с документом, озаглавленным "*Перестраивая американскую оборону: стратегия, военные силы и ресурсы*".

В нем содержался призыв резко увеличить военные расходы США и приготовить их вооруженные силы к участию сразу в нескольких крупномасштабных военных конфликтах. Предполагалось, что закрепление глобального доминирования США может произойти в результате некоего катастрофического события, наподобие Перл-Харбор. Конечно, содержалась установка на свержение режима Саддама Хусейна как часть плана по усилению влияния США в регионе Большого Ближнего Востока и мира в целом. И все же лишь террористические атаки на США годом позже поместили эти темы в центр внимания не только "неоконов", но и самого президента.

Начиная с первых дней нового отсчета времени на "часах" внешней политики США – с 11 сентября 2001 г., – Рамсфельд и Вулфовиц активно лоббировали идею вторжения в Ирак.

Успешное применение массированной военной силы против талибов и Аль-Каиды в Афганистане только укрепило их уверенность в своей правоте. Участь талибов в Афганистане, с их точки зрения, должны были разделить и другие недружественные режимы.

К весне 2002 г. идею смены режима стал все чаще высказывать сам Дж.Буш. Одновременно неоконсерваторы создавали инфраструктуру реализации своих планов.

Осознавая, что многое в их предпринятии будет зависеть от интерпретации разведывательными структурами угроз со стороны Ирака, и не доверяя неподконтрольным "неоконам" ЦРУ и Агентству военной разведки (АВР) в структуре министерства обороны, они создали в Пентагоне Отдел особого планирования во главе с Абрамом Шульски, который, как нетрудно

догадаться, был "своим" в лагере неоконсерваторов. Помимо ЦРУ и АБР, Отдел стал основным поставщиком "правильной" развединформации для президента.

"Разведывательное сообщество, — пишет Фрэнсис Фукуяма, — никогда не занимало такой алармистской позиции в отношении угрозы терроризма и ОМУ, как президентская администрация. Переоценка этой угрозы послужила оправданием для того, чтобы поместить превентивную войну в центр новой стратегии безопасности"¹.

Таким образом, к 2002 г. влияние неоконсерваторов на принятие внешнеполитических решений Белого дома стало решающим, а "реалисты" были отодвинуты в сторону. Однако было бы ошибочно считать, что это влияние вылилось в широкое представительство неоконсерваторов в верхних эшелонах американского политического истеблишмента.

Наиболее высокопоставленным "неоконом" в администрации Дж.Буша-мл. стал Пол Вулфовиц, который, в свою очередь, привел за собой в министерство обороны целую команду единомышленников, включая Фейта и Перла. Они, в свою очередь, сделали то же самое; так, в Совет по оборонной политике Ричарда Перла вошел Э.Коэн, восхвалявший Д.Рамсфелда в книге "Высшее командование: солдаты, государственные деятели и лидерство в период войны"⁵, в том числе его пренебрежительное отношение к советам профессиональных военных.

Те, кто стоял в иерархии государственных служащих выше Вулфовица, не были ни идеологами американского неоконсерватизма, ни его последовательными сторонниками. Но в создавшихся после 2001 г. условиях неоконсерваторы оказались их естественными союзниками.

Так, министр обороны Дональд Рамсфелд действовал не столько из идеологических соображений, сколько представлял в администрации Буша-младшего интересы военно-промышленного комплекса США.

Однако его вера в приоритетность военной мощи в деле распространения американского влияния, презрительное отношение к принципам многосторонности, коалиционности, согласования интересов оказались как нельзя кстати для реализации нового миссионерского проекта.

Дик Чейни и "неоконы" испытывали друг к другу симпатии, но движущей силой, стоявшей за деятельностью вице-президента, были интересы американского нефтяного лобби и стратегические интересы США в регионе Персидского залива.

"Своей" среди неоконсерваторов не была и помощник по проблемам национальной безопасности, а затем госсекретарь Кондолиза Райс, которая являлась скорее главным "передаточным звеном" по донесению до мира внешнеполитических инициатив президента. Будь его инициативы иными, она исполняла бы их с одинаковым рвением. То, что Буш с конца 2001 г. взял на вооружение ряд неоконсервативных постулатов, не вызвали с ее стороны никакого видимого неприятия.

Этого нельзя сказать о предшественнике Райс на посту госсекретаря Колине Пауэлле, который, стараясь сохранить максимальную лояльность Бушу, внутренне всегда противился идеологизации внешней политики США узкой группой гражданских служащих.

Что касается самого президента, то его взгляды на международную роль США и методы ее реализации пережили трансформацию после событий 11 сентября 2001 г.

До этого во внешней политике ему были ближе, скорее, идеи американских реалистов и традиционных консерваторов.

Этой точки зрения придерживаются и американские исследователи Айво Даалдер и Джеймс Линдсей, авторы книги "Америка без пут: революция Буша во внешней политике".

С ними можно согласиться в том, что после атаки террористов на США миро-

воззрение президента стало представлять собой причудливую смесь идей из разных внешнеполитических школ. Реализм в его мышлении был представлен уверенностью в том, что мир это опасное место, в котором национальные государства борются за свои интересы, что главное в арсенале государства – сила, по преимуществу военная, что международные соглашения, если они становятся на пути Соединенных Штатов, не должны связывать им руки.

Влияние же неоконсерватизма на президента выразилось в том, что он стал рассматривать роль США в мире как поле битвы добра со злом, в его убежденности, что США – уникальная страна, самим провидением призванная управлять миром и совершенствовать его. Отсюда представление о непогрешимости Америки и непонимание природы 11 сентября 2001 г.

“Как большинство американцев, – заявил Буш вскоре после тех событий, – мне не верится, что это случилось. Ведь я знаю, насколько мы праведны”⁶.

Во время президентской предвыборной кампании Буш показал себя противником прямого вовлечения США, тем более военного, в многочисленные конфликты по всему миру. Однако трагедия “башен – близнецов” заставила его пересмотреть свои взгляды. Какие альтернативы были в его распоряжении?

Реалисты и консерваторы могли предложить с новой силой применить *принципы сдерживания и устрашения*, принесшие результаты в годы “холодной” войны. Проблема этого подхода состояла в том, что теперь речь шла о противостоянии не враждебным государствам, а некой международной террористической сети, у которой нет родины. Против нее могла быть сосредоточена деятельность американских разведывательных служб и контртеррористических подразделений, но их действия на территории ряда государств с

тоталитарными и недружественными США политическими режимами были крайне затруднены. Кроме того, контртеррористические точечные операции, сколь энергичными они ни были бы, с внешней и психологической точки зрения казались слишком слабым ответом на события 11 сентября.

В результате “война с террором” вновь эволюционировала в войну с отдельными государствами.

Такое развитие событий еще могло быть приемлемым для реалистов и консерваторов, ведь война в Афганистане против талибов мало у кого вызывала возражение. Однако здесь-то влияние неоконсерваторов и сыграло принципиальную роль: и Буш, и Рамсфелд, и Чейни не только стали увязывать борьбу с терроризмом со сменой политических режимов в “странах – изгоях”, но фактически использовали лозунг “войны с террором” для свержения неугодных режимов под флагом демократизации.

Теория домино вернулась во внешнюю политику США, на сей раз с противоположным знаком. Если в годы войны во Вьетнаме считалось, что допустить США победу коммунистов в этой стране, все государства Юго-Восточной Азии также “падут”, то теперь демократизация Ирака рассматривалась как стартовая площадка для “распространения демократии” на весь регион Ближнего и Среднего Востока.

Не Афганистан, а Ирак стал водоразделом во внешней политике США. Именно “неокконы” предложили руководству страны идейную платформу, которая увязывала все основные проблемы друг с другом, обеспечивала легитимацию действий и позволяла, как тогда казалось, достичь разнообразных интересов тех, кто вступил в коалицию с неоконсерваторами. Идеология, будь она сутью или прикрыти-

ем, вернулась в центр внешней политики США.

С этой точки зрения война в Ираке и вызванные ею тяжелейшие последствия – прямой результат деятельности теоретиков и пропагандистов–неоконсерваторов, которые несут моральную ответственность за случившееся. Их нынешние заявления о том, что “все пошло не так”, “можно все исправить”, необходим “заключительный рывок” стоят не многого. Ведь дело не в тактических промахах по реализации их идей, а в несостоятельности изначально-ных концептуальных установок.

Надо сказать, что роль водораздела во внешней политике США, которую сыграла война в Ираке, стала очевидна далеко не сразу, и многие американские консерваторы и реалисты поначалу без энтузиазма, но все же поддержали ее. Сделали они это потому, что главным аргументом Белого дома в пользу войны была угроза использования Багдадом против Запада оружия массового уничтожения – аргумент, в правдивость которого тогда многие верили. Но для настоящих “неоконов”, а не их попутчиков, ОМУ было либо предлогом, или в лучшем случае дополнительным козырем в достижении главной цели – закрепления глобального превосходства США.

В конце 2003 г. в свет вышла книга Ричарда Перла и его соавтора Дэвида Фрама “Конец зла: как выиграть войну с террором”.

В ней нет места сожалению по поводу вторжения в Ирак, а неудачи в борьбе с терроризмом возлагаются на “слабовольное” руководство⁷.

Привлекает внимание откровения авторов по поводу ряда других вопросов международного характера. Так, они призывают рассматривать политический режим в Иране как нелегитимный, оказывать давление на Северную Корею, в том числе угрозой превентивного удара, в случае нежелательных действий со стороны России

прекратить деятельность Совета Россия – НАТО, не подчиняться решениям ООН до изменения ее Устава, полагаться на военную мощь США и на ее моральное лидерство в деле наведения порядка в мире.

Противников неоконсерваторов больше всего беспокоило их опора в сфере американской внешней политики на силу.

“В настоящее время американцы, – пишет Эндрю Басевич, – оказались под властью милитаризма, проявляющимся в романтизации военной службы, в склонности воспринимать военную силу как истинное мерило национального величия, в переоценке возможностей ее использования. В масштабе, беспрецедентном в истории США, американцы стали воспринимать национальную мощь и благополучие в терминах подготовленности вооруженных сил, боевых действий и военных идеалов (или ностальгии по ним)”⁸.

Чем, как не проявлением культа силы, является заявление, сделанное Бушем в Морской академии в мае 2002 г.: “Лучший способ защитить наших граждан – находиться в режиме нападения”.

Силовая внешняя политика стала логическим продолжением концепции “великодушного гегемона” с ее рассуждениями о Паксе Американца и просвещенном империализме, обоснованной в работах Уильяма Кристола, Роберта Кагана, Макса Бута и др.⁹.

Важно отметить, что современный культ милитаризма в США, прославление военной силы, был развит не столько военными идеологами и стратегами, сколько гражданскими, то есть в данном случае неоконсерваторами. В этом ключ к пониманию феномена “гражданского милитаризма” и того, почему в последние годы столь часто проявлялось недовольство профессиональных американских военных и политического руководства страны друг другом, почему “неоконы” сваливают вину за провалы в Ираке на военных, а

те в свою очередь считают виноватыми политиков в штатском. Конечно, неоконсерваторы не несут единоличной ответственности за разжигание культа милитаризма, ведь даже либеральный Голливуд в 90-е годы переболел лихорадкой фильмов, воспевающих американских военных.

Но бесспорно, что именно “неоконы”, воспользовавшись событиями 2001 г., атмосферой всеобщего страха и подозрительности, чрезмерной уверенностью части американского военного истеблишмента в потенциал нового поколения высокоточного оружия, сыграли ключевую роль в идеологическом обеспечении милитаризации внешней политики США.

Иракская авантюра похоронила состоятельность трех главных неоконсервативных догматов:

- стратегию превентивной войны,
- стратегию односторонних действий или действий с опорой на “коалицию желающих”,
- стратегию демократизации.

Идеологическая и организационная инерционность огромной государственной машины США и в 2007 г. еще обеспечивает некоторое подобие следования неоконсервативным рецептам президентской администрации. Однако фактически неоконсерватизм во внешней политике – идеология на излете, в высших эшелонах государственной власти США “неоконов” и след простыл, на своих постах остаются лишь некоторые из числа их ставленников, в том числе президент Буш.

Совпадение идеологических установок неоконсерваторов и практических установок ряда ведущих фигур в президентской команде придали в 2001–2003 гг. мощный импульс внешней политике США. Однако, он оказался контрпродуктивным. Захватив Ирак и свергнув Саддама Хусейна, США не только не достигли поставленных пе-

ред собой целей, но и усугубили проблемы, которые их действия были призваны решить. Ирак превратился в рассадник терроризма, а Иран с удесятенными силами принялся разрабатывать ядерные технологии.

Весь регион Большого Ближнего Востока как никогда дестабилизирован.

Несколько тысяч американских солдат и десятки тысяч иракцев заплатили своими жизнями за “Проект для нового американского века”.

Удивительно, насколько догматичным и костным оказалось мышление многих “неоконов” второго поколения. Свойственная им идеологическая зашоренность привела к выходу из их рядов ряда видных идеологов американского неоконсерватизма “второй волны”.

Так, последней каплей, переполнившей чашу терпения Фрэнсиса Фукуямы, стало, по его словам, выступление Чарльза Краутхаммера и реакция зала в Американском институте предпринимательства в феврале 2004 г. Речь имела характерное название: “Демократический реализм: американская внешняя политика для однополярного мира”.

Фукуяму возмутило то, что через год после начала войны в Ираке, после всех провалов и скандалов, Краутхаммер охарактеризовал вторжение в Ирак как однозначный успех.

“Я не мог понять, – пишет автор “Конца истории”, – почему все вокруг меня с энтузиазмом аплодируют. И это в условиях, когда США не нашли в Ираке оружия массового уничтожения, втянуты в беспросветную партизанскую войну и почти полностью изолировали себя от остального мира...”¹.

Демонстративный выход из рядов “неоконов” Фрэнсиса Фукуямы в 2006 г. еще больше ослабил идеологические позиции американского неоконсерватизма, еще больше укрепил впечатление, что эта идеология – на излете. Дискредитация внешнеполитиче-

ской доктрины неоконсерватизма второй волны вновь может усилить позиции в американском политическом истеблишменте “реалистов” и “идеалистов” (или “либеральных интернационалистов”) – представителей двух традиционных американских внешнеполитических школ.

Однако неоконсерватизм не обязательно исчезнет без следа, ведь, например представители другого традиционного направления – “консерваторы-националисты” (их также называют “джексоновцами” по имени президента США Эндрю Джексона) восприняли ряд постулатов неоконсерваторов, что снизило роль изоляционизма в их взглядах. Свои идеи продолжают отстаивать и “твердолобые” среди неоконсерваторов второй волны. Те же, кто вышел из их рядов, не обязательно принципиально пересмотрят свои позиции. Так, Фукуяма разорвал с “неоконами” не только из идейных соображений, но и потому, что после войны в Ираке термин “неоконсерватизм” оказался неразрывно связан с действиями администрации Буш-младшего, внешняя политика которого дискредитировала идейные установки настоящих неоконсерваторов.

Фукуяма предпочитает изобрести новый термин для обозначения своей позиции – “реалистичный вильсонизм”, хотя на деле предлагает лишь усовершенствовать неоконсервативные подходы.

Под “реалистичным вильсонизмом” Фукуяма подразумевает соединение ряда принципов реализма и идеализма во внешней политике США, за счет чего стремится сделать неоконсерватизм более гибким и приемлемым для современного мира.

Фактически, отрешившись от наиболее неприглядных сторон политики “нео-

конов”, он сохраняет верность базовым принципам второй волны американского неоконсерватизма. Среди них выделяются следующие:

- надо оценивать государство не только по его поведению на международной арене, но и по ситуации внутри него;

- силовые методы часто необходимы для распространения американских моральных ценностей;

- американский суверенитет неприкасаем и не может быть ограничен никакими международными организациями.

Фукуяма остается типичным представителем неоконсерватизма и благодаря тому, что продолжает оценивать события сквозь призму мышления “холодной” войны, отличается амрикоцентричным взглядом на историю, который приводит к ее умышленному искажению (трудно поверить, что такие интеллектуалы, как Фукуяма, делают это по незнанию).

Так, в его книге, посвященной “разрыву” с “неоконами”, имеется такой пассаж: “...Соединенные Штаты вступили в войну с нацистской Германией и сыграли ключевую роль в победе над ней”¹. Как говорить, без комментариев.

Фукуяма – из разряда тех американских мыслителей, которые, покуда лидирующая роль США не оспаривается, готовы анализировать сложные проблемы современности, выстраивать изящные идейные схемы, подкрепленные множеством фактов. Но как только речь заходит об исторических событиях, где США оказываются на вторых ролях или должны разделить пальму первенства с кем-то еще, здравый смысл оставляет этих мыслителей, идеологическая зашоренность словно как-то проходит по их рациональности.

Как бы не сложилась дальнейшая судьба американского неоконсерватизма во внешней политике, а точнее, того, что от него осталось, сумеет ли он сохраниться как самостоятельное течение, преобразуется во что-то новое или сольется с другими идейными школами, очевидно, что пик его влияния остался позади.

И дело не только в тактических или даже стратегических ошибках, допущенных “неоконами” за последнее десятилетие.

Неоконсерватизм как внешнеполитическое течение сложился в годы “холодной” войны, был ее детищем.

В 90-е годы он встал на службу США как единственной сверхдержавы и в начале XXI в. оказал непосредственное влияние на формирование внешней политики США. Однако принципиальным изъяном его доктрины стала ставка на идеи однополюсного мира и глобального доминирования США. Если такой мир и существовал в 90-е годы, то этим полюсом были не Соединенные Штаты, а Запад в целом. Но как только США возомнили себя воплощением Запада, низвели своих союзников до роли обслуги или, в лучшем случае, неравных партнеров, неизбежно начала складываться новая международная система сдержек и противовесов.

Идеологически обосновав проект для “*нового американского века*” и добившись подчинения внешней политики США своим целям, неоконсерваторы невольно способствовали приближению конца однополюсного порядка, за который они так ратовали.

Когда-то неоконсерваторы первой волны обосновывали критику государственного вмешательства тем, что благие пожелания часто приводят к негативным результатам – закон “непредвиденных последствий”.

Со вторым поколением “неоконов” история сыграла злую шутку, обратив действие этого закона против них самих: стремление превратить США в “либеральную империю”, изменить мир силовыми методами привели к прямо противоположному результату – снижению веса Соединенных Штатов на мировой арене, потере ими авторитета и влияния. Хороший урок для моралистов со стилетом в кармане.

Примечания

- ¹ *Fukuyama F.* After the Neocons. America at the Crossroads. London: Profile Books, 2006. P. 48, 6, IX, X, 17.
- ² *Simes D.K.* Unrealists // The National Interest. 2006. Summer. P. 7.
- ³ The Spectator. 2006. 11 November. P. 77.
- ⁴ Exit Interview. A conversation with John Bolton // The American Interest. 2007. Vol. 2. No 4. P. 43, 45, 49, 51.
- ⁵ *Cohen E.* Supreme Command: Soldiers, Statesmen, and Leadership in Wartime. New York: Free Press, 2002.
- ⁶ *Daalder I.H., Lindsay J.M.* America Unbound: the Bush Revolution in Foreign Policy. Washington DC: Brookings Institution, 2003. P. 194.
- ⁷ *Frum D., Perle R.* An End to Evil: How to Win the War on Terror. New York: Random House, 2003. P. 195.
- ⁸ *Bacevich A.J.* The New American Militarism: How Americans Are Seduced by War. New York: Oxford University Press, 2005. (Цит. по: Orbis. 2006. No 3, Summer. P. 573).
- ⁹ *Kristol W., Kagan R.* Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. No 4.